

ПЁТР ВЕЛИКИЙ

ЦЕНА РЕФОРМ,
ИЗМЕНИВШИХ РОССИЮ
НАВСЕГДА

и
Софья Вечерняя

Софья Вечерняя

**Пётр Великий: Цена реформ,
изменивших Россию навсегда**

«Автор»

2026

Вечерняя С.

Пётр Великий: Цена реформ, изменивших Россию навсегда /
С. Вечерняя — «Автор», 2026

Можно ли сделать государство сильнее, не заставив его подданных платить за перемены? При Петре I Россия получила флот, новую армию, выход к Балтике и Петербург — но за ними стояли двадцать один год войны, налоги, повинности и труд тысяч людей. Эта книга показывает не бронзовую статую, а правителя, чьи решения рождались из борьбы за власть, поражений и практического расчёта. Великое посольство, Северная война, перестройка управления, армия и флот, реформы образования и быта, сопротивление общества и дело царевича Алексея помогают увидеть, как менялась страна и кто оплачивал перемены. Были ли реформы единственным путём? Что Россия приобрела, а что потеряла? Для читателей, которым важна история без привычной лакировки: книга раскрывает цену петровского рывка, его последствия и причины, по которым наследие царя до сих пор вызывает споры. Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image - Лицензия

© Вечерняя С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Россия до Петра: устройство государства и пределы старого порядка	6
Детство, регентство и борьба за власть: как складывался будущий царь	10
От потешных полков к Азовским походам: первые испытания реформатора	14
Великое посольство: чему Пётр учился в Европе и что решил перенести в Россию	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Софья Вечерняя
Пётр Великий: Цена реформ,
изменивших Россию навсегда

Пётр Великий: Цена реформ, изменивших Россию навсегда

Софья Вечерняя

Россия до Петра: устройство государства и пределы старого порядка

В Москве писарь складывает лист с царским распоряжением, прикладывает печать, передаёт пакет гонцу. Представим типичную для XVII века ситуацию, а не конкретный сохранившийся документ: воеводе в Тобольске велено пополнить запасы гарнизона и обеспечить сбор ясака — меховой дани, которую платили жители Сибири. На карте путь выглядит как линия, протянутая от столицы через города и реки к восточной окраине. На земле это череда дорог, переправ, остановок и решений людей, которые должны довести бумагу, понять её смысл и найти средства исполнить приказ.

От Москвы до Тобольска — тысячи километров. Гонец мог воспользоваться ямской гоньбой там, где были устроены станции и смены лошадей, но не существовало единой непрерывной дороги с расписанием и гарантированным транспортом. Один участок проходили верхом, другой — по реке; весенняя распутица, мороз, паводок или нехватка лошадей меняли скорость движения. Даже доставленный пакет не превращался в дело сам собой. Воеводе требовалось собрать людей, припасы, деньги и сведения. А затем отправить в Москву ответ, который тоже шёл долго.

Это и есть первая важная черта допетровской России: на карте государство могло быть огромным, но на земле его возможности зависели от расстояния и посредников. Власть не отсутствовала — она действовала через цепочки людей. И чем дальше от столицы, тем больше зависело от того, кто именно стоял в этих цепочках и какими ресурсами располагал.

Государство, которое собирали по частям

После Смутного времени, завершившегося воцарением Михаила Романова в 1613 году, стране пришлось восстанавливать управление, укреплять границы и возвращать контроль над территориями. В XVII веке Россия расширялась на восток, осваивала Сибирь, воевала на западе и юге, торговала и вела дипломатические переговоры. Но власть не накрывала всё пространство одинаково плотной сетью. Где-то она опиралась на крупные города и старые уезды, где-то — на цепочку острогов, военных постов и редких служилых людей.

И граница не всегда была аккуратной чертой на карте. На юге опасность набегов заставляла строить укрепленные линии. В Сибири власть собиралась вокруг рек, острогов и пунктов сбора ясака. На востоке сведения о местных условиях могли зависеть от переводчиков, казаков, сборщиков дани и местных общин. Москва претендовала на власть над обширными землями, но повседневное управление там нередко требовало переговоров и приспособления к обстоятельствам.

Во главе государства стоял царь. Ему помогала Боярская дума — круг знатных советников и служилых людей, участвовавших в решении государственных дел. Земские соборы созывали в важные моменты, например в кризисах или при обсуждении общих решений, но они не были постоянным парламентом, который регулярно собирался и контролировал правительство. Приказы — центральные учреждения, ведавшие определёнными областями управления, — занимались военными делами, дипломатией, землевладением и другими вопросами. Их постепенно накапливалось много; они складывались исторически, а не проектировались как единая система современных министерств. Полномочия могли пересекаться, а дела часто продвигались через личные поручения и переписку.

Из Москвы распоряжение направляли местному воеводе. Воевода был царским представителем в городе или уезде: следил за порядком, организовывал службу, участвовал в сборе налогов и распоряжался местными силами. Его работа зависела от приказных людей — писцов и подьячих, которые вели документы и помогали исполнять решения. Но даже грамотный

воевода не мог одним указом создать запас хлеба, прислать недостающих специалистов или заставить реку замёрзнуть в удобный день.

В этом устройстве была и сила, и слабость. Государство умело действовать через местные связи: люди на месте знали дороги, население и обстоятельства. Но исполнение приказа неизбежно менялось по пути. Москва задавала цель; воевода и его помощники решали, как добраться до неё имеющимися средствами. Чем меньше было людей и учреждений на территории, тем заметнее власть зависела от конкретного исполнителя.

Обязанности вместо равных прав

Общество XVII века нельзя описать как лестницу, на которой каждый человек просто занимал одну неизменную ступень. Положение зависело от происхождения, службы, владения землёй, места жительства и личной зависимости. Но для государства важнее всего было то, какие обязанности человек нёс и с какого ресурса эти обязанности можно было взыскать.

Служилые люди составляли важную опору власти. Одни несли службу «по отечеству» — прежде всего дворяне и дети боярские, чьё положение было связано с наследственным статусом и службой царю. За службу они могли получать поместья — землю, данную на условии службы, — и доходы с неё. Другие служили «по прибору», то есть набирались на службу: к ним относились, например, стрельцы, пушкарки и часть казаков. Эти группы не были одинаковыми ни по достатку, ни по обязанностям, но именно через них государство получало военную силу и поддерживало порядок.

Заметную часть населения составляли крестьяне. Их положение различалось: государственные крестьяне, крестьяне владельческие, монастырские и дворцовые жили в разных условиях. Однако в XVII веке усиливалась тенденция закреплять людей за местом и владельцем. Соборное уложение 1649 года, свод законов Московского государства, закрепило бессрочный сыск беглых крестьян. Это не означало, что все крестьяне жили одинаково или что побег исчез: люди продолжали уходить, а владельцы и власти — разыскивать их. Но государство всё настойчивее связывало население с землёй и налоговой ответственностью.

Такая политика была не только инструментом власти над людьми. Она решала практическую для казны задачу: государству требовалось знать, с кого собирать подати и кто обязан обеспечивать службу. Чем больше налогоплательщиков исчезало из списков или переходило к другому владельцу, тем труднее было содержать войско и аппарат управления. Цена этой предсказуемости ложилась прежде всего на крестьян.

Горожане тоже не были просто свободными участниками торговли. Посадские люди несли налоговые и другие повинности, занимались ремеслом и торговлей, содержали городское хозяйство. Их объединения могли помогать властям собирать подати, но служили также способом распределить нагрузку между жителями. В городах и на окраинах жили и казаки — сообщества с собственным укладом и высокой военной ролью. Они могли служить государству, но сохраняли заметную самостоятельность, и отношения с ними приходилось постоянно договаривать.

Итак, государственная власть опиралась не на одинаковую для всех систему обязанностей, а на множество разных связей: служба и поместье, налог и посадская община, крестьянская зависимость, казачья военная организация. Это помогало управлять страной, где не было достаточно чиновников, чтобы напрямую обращаться к каждому жителю. Но система делала государство зависимым от местных посредников и усиливала давление на тех, кто нёс основные повинности.

Война: не только армия, но и дорога к армии

Для Москвы военная опасность была не отвлечённым рассуждением. На западных рубежах сталкивались интересы России и Речи Посполитой, на севере и западе — России и Швеции, на юге приходилось учитывать угрозу набегов и противостояние с Крымским ханством и Османской империей. В XVII веке государство вело, в частности, войну с Речью Посполитой

в 1654–1667 годах и со Швецией в 1656–1658 годах. Одновременно требовалось удерживать и расширявшиеся сибирские владения.

Армия не была единым постоянным войском современного типа. В неё входили дворянская конница, стрельцы, казаки, артиллеристы и полки «нового строя», создававшиеся с 1630-х годов по европейским образцам. Это разнообразие не следует принимать за отсутствие военных перемен. Правители приглашали иностранных офицеров и специалистов, меняли порядок обучения и комплектования, развивали артиллерию. Русские войска участвовали в больших кампаниях и могли добиваться серьёзных результатов.

Трудность заключалась не только в том, чтобы набрать бойцов и выдать им оружие. Солдатам требовались хлеб, порох, лошади, жалование и боеприпасы; требовалось доставить их в нужное место и в нужный сезон. Армия на расстоянии превращалась в задачу снабжения, а снабжение снова упиралось в дороги, речные переправы, местные запасы и способность власти собирать ресурсы. Приказ воеводе мог начать подготовку, но не отменял расстояния между приказом и обозом.

Деньги, учёт и пределы казны

Государству нужны были средства на войну, укрепления, двор и управление. Доходы поступали из прямых податей, таможенных сборов и пошлин, а также из иных платежей. В конце XVII века перепись 1678 года стала основанием для подворного обложения: единицей учёта всё чаще служил двор, то есть хозяйство. Такая система помогала распределять сборы, но точность зависела от того, насколько полно были записаны дворы и насколько местные власти могли взыскать назначенное.

Сбор денег был не технической мелочью, а политически опасной работой. Повышение налоговой нагрузки могло вызвать сопротивление. В 1648 году в Москве вспыхнул Соляной бунт, связанный в том числе с введённым ранее соляным налогом и накопившимся недовольством. В 1662 году Медный бунт показал, насколько хрупким могло стать денежное обращение: выпуск медной монеты, приравненной к серебряной, сопровождался её обесцениванием и ростом цен. Эти события не означали, что государство не умело собирать средства. Они показывали другое: возможности казны были ограничены, а способы быстро получить деньги могли разрушить доверие и вызвать взрыв.

Не хватало и специалистов. Для растущей армии и усложнявшейся дипломатии нужны были инженеры, артиллеристы, врачи, корабельные мастера, переводчики, люди, умеющие вести расчёты и составлять карты. Но утверждение, будто до Петра в России не было знаний или контактов с Европой, неверно. Через Архангельск шла торговля с европейцами, в Москве жили и работали иностранные специалисты, русские посольства вели переговоры, а государство перенимало военные и технические приёмы. В 1660-е годы на Оке построили корабль «Орёл» для службы на Волге и Каспии. Он не сделал Россию морской державой, но напоминает: интерес к кораблестроению возник до Петра.

Проблема состояла не в полной изоляции, а в масштабе и устойчивости перемен. Отдельное новшество можно было ввести по царскому распоряжению или с помощью приглашённого мастера. Гораздо труднее было подготовить много специалистов, создать постоянные учреждения, обеспечить снабжение и распространить новые практики по стране. В этом смысле Россия до Петра была не неподвижной, а неравномерно меняющейся: одни области быстро перестраивались, другие продолжали жить по старым порядкам.

Проследите путь приказа

Чтобы увидеть устройство государства не как перечень чинов и учреждений, а как работающий механизм, попробуйте мысленно пройти путь распоряжения из Москвы в Тобольск.

1. Москва. Кто готовит документ и к какому приказу относится дело? Уже здесь решение зависит от того, насколько ясно сформулирована задача и какие сведения есть у центра.

2. Дорога. Каким путём пакет доставят — с использованием ямской гоньбы, сухопутных участков или речных перевозок? Как на срок влияют сезон и состояние путей?

3. Город. Какие возможности есть у воеводы: служилые люди, запасы, деньги, помощники? Какие задачи он вынужден решать прежде других?

4. Местное исполнение. Кто непосредственно собирает припасы или ясак, на кого ложится эта обязанность и что может помешать её выполнить?

5. Возвращение сведений. Как скоро Москва узнает о результате? Что изменится за время, пока донесение дойдёт до столицы?

Отметьте, на каком шаге приказ может задержаться или измениться. Это простое упражнение помогает увидеть главное: в большом государстве решение центра не равно результату. Между ними всегда есть расстояние, работа местных властей и чьи-то реальные ресурсы.

Пределы старого порядка были не признаком того, что Россия обречена на перемены именно по одному сценарию. Этот порядок умел удерживать власть на огромной территории, собирать войска, вести войны, расширять владения и вступать в контакты с внешним миром. Одновременно он с трудом превращал разовые усилия в устойчивые учреждения, зависел от служилых людей и местных исполнителей, а расходы на безопасность и управление ложились на население неравномерно.

Значит, стране действительно требовались перемены: больше специалистов, более надёжное снабжение, более предсказуемые доходы, сильные учреждения. Но сама карта трудностей ещё не предписывала единственного ответа. Можно было укреплять уже существующие порядки постепенно, расширять обучение и менять отдельные службы — или попытаться перестроить государство рывком, ценой новых обязательств и принуждения. История поставила вопрос о переменах; каким именно будет ответ, решали люди, обстоятельства и борьба за власть.

К концу XVII века эта борьба разворачивалась не в пустом пространстве, а внутри государства, которому были нужны новые силы и новые способы управления. Чтобы понять, почему его будущий царь столкнётся именно с такими задачами, нужно теперь увидеть его самого — ребёнка при дворе, наследника среди взрослых соперников и участника ранней борьбы за власть.

Детство, регентство и борьба за власть: как складывался будущий царь

У Красного крыльца Московского Кремля мальчик увидел, как дворцовая ссора перестаёт быть спором о наследстве и становится расправой.

15 мая 1682 года по старому стилю стрельцы ворвались в Кремль. До этого по Москве ходил слух: царевича Ивана убили, а власть захватили Нарышкины. Слух был ложным, но страх — настоящим. Царица Наталья Кирилловна вывела на крыльцо обоих царевичей: Ивана и Петра, которому ещё не исполнилось десяти лет. Их показали толпе живыми. Это не оставило расправу. Стрельцы искали тех, кого считали виновниками, и убивали приближённых Нарышкиных. Среди погибших оказались дядя Петра Иван Нарышкин и боярин Артамон Матвеев, недавно вернувшийся из ссылки.

Пётр стоял рядом с матерью. Но что именно он видел, что понял и что запомнил — источники не позволяют утверждать наверняка. Позднейшие рассказы охотно рисовали испуганного мальчика, который навсегда усвоил урок жестокости. Это эффектная история, но эффектность ещё не делает её доказанной. Надёжно известно другое: борьба за власть вошла в жизнь Петра не как отвлечённая наука, а как событие, происходившее вокруг его семьи, его имени и его права быть царём.

Стрельцы не были лишь бездумной толпой, которую дёргали за нитки бояре. Это были служилые люди с собственными причинами для недовольства: задержками жалованья, злоупотреблениями начальников, тревогой за своё положение. Но их протест оказался вплетён в борьбу придворных группировок. После смерти царя Фёдора Алексеевича в апреле 1682 года выяснилось, что вопрос престолонаследия не решается одной простой формулой.

Два царя и одна правительница

Пётр родился в 1672 году у царя Алексея Михайловича и его второй жены Натальи Нарышкиной. Старшие сыновья царя происходили от первого брака с Марией Милославской. Среди них был Иван — старше Петра, но, по свидетельствам современников, слабого здоровья и не склонный к активному управлению. После смерти Фёдора сторонники Нарышкиных поддерживали Петра; сторонники Милославских настаивали на правах Ивана. За спором о наследнике стояли родственные связи, доступ к должностям, влияние на царский двор и распределение государственных доходов.

В результате компромисса царями объявили обоих братьев. Иван считался старшим, Пётр — младшим. На торжественных церемониях их представляли вместе; для коронации изготовили двойной трон. Позднее рассказывали, будто через отверстие в его спинке царевне Софье подсказывали нужные слова братьям. История эта стала символом двоевластия, но её подробности нельзя принимать как бесспорное свидетельство о том, как именно проходил обряд. Надёжнее сам факт: государство демонстрировало сразу двух царей, тогда как реальная власть нуждалась в едином центре решений.

Этим центром стала царевна Софья Алексеевна — старшая единоутробная сестра Ивана и Петра. Ей было около двадцати пяти лет. В течение следующих семи лет она фактически руководила правительством от имени братьев, опираясь на придворных сторонников и служилых людей. Софью легко превратить в злодейку, заранее замышляющую гибель Петра, но такой портрет упрощает происходившее. Она не была случайной интриганкой, пробравшейся к власти: кризис создал для неё пространство действий, а политические навыки, связи и положение позволили этим пространством воспользоваться.

Её правление, впрочем, было уязвимым. Формально престол принадлежал Ивану и Петру, а не Софье. Её влияние зависело от сохранения союза между придворными группами

и от лояльности стрельцов. В первые месяцы после мятежа регентству пришлось восстанавливать порядок. На фоне борьбы возникло движение старообрядцев, а в Москве усилился глава стрелецкого приказа Иван Хованский. Осенью 1682 года его и сына казнили по обвинению в заговоре. Это укрепило власть Софьи, но показало цену такого укрепления: режим, пришедший к руководству через кризис, должен был постоянно доказывать, что способен контролировать силу, которая помогла ему победить.

Софья и её правительство не только тушили внутренние пожары. В 1686 году был заключён Вечный мир с Речью Посполитой, закрепивший за Россией Киев и оформивший союз против Османской державы. Однако Крымские походы князя Василия Голицына в 1687 и 1689 годах не принесли решающей победы. Походы были сложны из-за снабжения и условий степи; войско не покорило Крым и вернулось назад. Неудачи не уничтожили режим сразу, но ослабили его престиж. В придворной политике редко бывает один-единственный удар: чаще противник теряет опору постепенно, пока прежняя сила не начинает казаться сомнительной.

Кремль и Преображенское

Пока в Кремле оформлялось правление Софьи, Пётр вырос не в самом центре официального двора. После мятежа Наталья Кирилловна жила с сыном в Преображенском, загородном селе неподалёку от Москвы. Это не было изгнанием в пустыню: царевич сохранял имя, свиту и положение. Но он оказался вдали от того пространства, где совершались главные церемонии и где Софья с её союзниками управляла государством.

Два места взросления давали Петру разный опыт. Кремль был пространством старшинства, ритуала и легитимности: там власть проявлялась в титуле, порядке выхода, решении боярской думы и царском указе. Преображенское было местом, где можно было пробовать, ошибаться и собирать собственный круг. Это различие не стоит превращать в сказку о «старом дворе» и «новой России»: Кремль не был бесполезным пережитком, а загородные развлечения не были готовой программой реформ. Но позднее Пётр действительно воспользуется обеими сторонами своего детства — пониманием символической власти и тягой к практическому действию.

Грамоте его обучал дьяк Никита Зотов. Пётр изучал чтение и письмо, знакомился с церковными книгами и историческими рассказами. Его образование было неровным и не походило на систематическую подготовку государственного деятеля по заранее составленному плану. Однако привычное изображение Петра как совершенно необразованного человека тоже вводит в заблуждение. Он умел читать и писать, хотя его письмо было небрежным, а интересы тянулись скорее к практическим занятиям, чем к отвлечённой учёности.

В Преображенском царевич всё больше увлекался военными играми. Из мальчиков, молодых дворян и людей царского двора складывались потешные отряды. Они учились строю, осваивали оружие и участвовали в манёврах. Игра постепенно приобретала настоящую дисциплину, но тогда это ещё не была армия в полном смысле слова и уж тем более не была тайная школа будущего реформатора. Важным было само изменение масштаба: не смотреть на военное дело со стороны, а участвовать в нём, проверять командование и подчинение на практике.

Другой важный мир находился в Немецкой слободе — московском поселении иностранцев. Название обманчиво: там жили не только немцы, но и выходцы из разных европейских стран, военные специалисты, мастера, торговцы. Это не была Европа, перенесённая в Москву целиком. Иностранцы жили внутри российского порядка, со своими ограничениями и особым положением. Но они приносили знания и опыт, которые можно было получить через личное знакомство: военное дело, инженерное искусство, корабельные навыки, новые ремёсла.

С занятиями Петра математикой и фортификацией связывают голландца Франца Тиммермана. В конце 1680-х годов в его окружении оказываются также военные специалисты Патрик Гордон и Франц Лефорт. Их значение заключалось не в том, что они будто бы «объяснили Петру Европу» за несколько разговоров. Они давали доступ к людям, умеющим делать кон-

кретную работу, и к знаниям, которые можно было проверить на деле. Петру нравилась не абстрактная чужеземность, а возможность понять, как устроены оружие, укрепление, корабль, военная служба.

И всё же нельзя сказать, что именно Немецкая слобода заранее превратила его в реформатора. Интересы подростка могли остаться увлечениями — если бы не политическая обстановка, позволившая ему позже опереться на людей, готовых служить и учиться. Возможность стала значимой лишь тогда, когда у неё появился выход к власти.

Когда тень стала тесной

Софье требовалось удерживать государство, где рядом находился другой царевич с собственной роднёй, двором и наследственным правом. Пока Пётр был ребёнком, регентство могло казаться устойчивым. Но годы меняли положение: он рос, вокруг него складывался свой круг, а сторонники Натальи Кирилловны не исчезли. Софья нуждалась в опоре на влиятельных сановников и военных, но ни один союз не был вечным. Её власть была сильной в повседневном управлении и слабой в вопросе о том, кто должен править в будущем.

В январе 1689 года семнадцатилетнего Петра женили на Евдокии Лопухиной. Брак был семейным и политическим решением; в традиционном представлении женитьба показывала, что царевич вступает во взрослый статус. Это не означало, что он уже получил реальную власть. Но вокруг него стало труднее поддерживать образ мальчика, которому можно бесконечно указывать, как жить и когда занять своё место.

Летом того же года отношения обострились. До Петра дошли вести о возможной угрозе со стороны Софьи и её сторонников. Детали заговора и то, насколько непосредственной была опасность, в разных рассказах изложены неодинаково. Важно не превращать слух о готовом перевороте в установленный факт. Установлено, что Пётр покинул Преображенское и укрылся в Троице-Сергиевом монастыре. Этот шаг был одновременно способом обезопасить себя и публичным политическим сигналом: царевич вышел из-под контроля регентского двора и призвал сторонников определиться, кому они служат.

Монастырь оказался не просто убежищем. К Петру начали прибывать военные и придворные сторонники; среди тех, кто поддержал его, были Гордон и Лефорт. Часть стрельцов и служилых людей также перешла на его сторону. Наталья Кирилловна и её круг помогали собрать политическую опору, без которой смелый поступок молодого царевича мог бы остаться лишь бегством. Софья столкнулась с тем, что её авторитет больше не гарантировал повиновения. Руководителя стрелецкого приказа Фёдора Шакловитого арестовали и казнили, Голицын был отправлен в ссылку, а саму Софью изолировали в Новодевичьем монастыре.

Пётр не сверг Софью в одиночку, одним жестом и по заранее придуманному плану. Он сумел воспользоваться моментом, когда совпали его взросление, слабость регентского союза и готовность части элиты поддержать нового центр власти. При этом Иван продолжал оставаться царём до своей смерти в 1696 году. Поэтому выход Петра из-под регентства ещё не был окончательным единовластием. Но в 1689 году он впервые выступил не как ребёнок, за которого спорят другие, а как участник, способный принимать решения и добиваться исполнения своей воли.

Как читать эту историю

Попробуйте разобрать путь Петра не как легенду о «будущем великом человеке», а как последовательность возможностей и ограничений. Для этого достаточно трёх шагов:

1. Разделите сведения на три группы: подтверждённые события, вероятные выводы и поздние рассказы. Например, расправа в Кремле — событие; точное впечатление Петра от неё — вопрос, на который источники не дают уверенного ответа; история о подкачках через отверстие в двойном троне — поздняя подробность, требующая осторожности.

2. Сравните два пространства его взросления. Что давали царевичу Кремль и Преображенское? Где находились ресурсы власти, а где — свобода пробовать и собирать собственное окружение?

3. Найдите не только характер, но и условия. Какие решения Пётр мог принять благодаря своим способностям, а какие стали возможны потому, что часть элиты, военных и его семьи поддержала его?

Это упражнение полезно не только для истории. Оно напоминает, что человека нельзя объяснить одним детским эпизодом или врождённым качеством. На его выбор влияют обстоятельства, доступные союзники и цена ошибки.

Пётр складывался не по заранее написанному сценарию. Кремлёвская смута сделала власть для него личным вопросом, Преображенское дало пространство для практического опыта, Немецкая слобода открыла доступ к специалистам, а кризис 1689 года позволил превратить связи в политическую силу. Ни один из этих факторов сам по себе не создавал будущего реформатора. Вместе они подготовили момент, когда он смог действовать самостоятельно.

Дальше проверкой его замыслов станут уже не военные игры, а настоящая служба, реальные войска и трудная борьба за выход к морю.

От потешных полков к Азовским походам: первые испытания реформатора

Представьте поле у Преображенского. Пыль оседает на сапогах, мальчишеские команды тонут в грохоте небольших пушек, а участники манёвров то и дело забывают, кто должен держать строй, а кто — подносить порох. Пока что это похоже на шумную игру. Но игра требует всё большего: назначить командиров, распределить оружие, выучить сигналы, построить укрепление и взять его не наскоком, а по плану. В какой-то момент игрушечная крепость перестаёт быть игрушечной — потому что её защитники начинают действовать всерьёз.

Так складывался военный опыт Петра. Не готовая армия возникла из детской забавы, как будто однажды царь просто щёлкнул пальцами. Между игрой и войной лежали годы упражнений, дворцовая политика, работа иностранных офицеров, борьба с нехваткой людей и материалов. А первым большим экзаменом стала осада Азова — крепости, которая закрывала русским путь из Дона в Азовское море.

Учебное поле

Потешные полки появились в окружении Петра в 1680-х годах. Сначала это были игры и учения для юных царевичей и их товарищей, но постепенно в них участвовали и взрослые, а занятия становились сложнее. Участники учились маршировать, обращаться с мушкетом, действовать в строю, строить укрепления и подчиняться командам. Появлялись офицеры и более постоянная организация. Из этих частей со временем выросли Преображенский и Семёновский полки — будущая гвардия Петра.

Но важно не подменять историю красивой легендой. Потешные полки не были готовой современной армией в миниатюре. Они не отменили старые порядки, не создали сразу систему обучения для всей страны и не решили вопроса, откуда взять тысячи обученных солдат. Их значение было другим: они дали Петру среду, где можно было пробовать, ошибаться и наглядно видеть, что строй держится не на одном приказе, а на согласованной работе людей.

Такой опыт не был только личным развлечением царя. Рядом действовали опытные военные, в том числе иностранные офицеры. Среди тех, кто познакомил Петра с европейскими военными навыками и дисциплиной, были шотландец Патрик Гордон и выходец из Швейцарии Франц Лефорт. Они не «создали Петра» и не принесли готовый рецепт, который оставалось применить. Но они помогали показать: военное дело — это не только храбрость, а ещё артиллерия, инженерные работы, порядок командования, обучение и снабжение.

В позднейшей памяти потешные полки стали символом рождения новой армии. Это понятный символ, но он сжимает длинный и неровный процесс. Военный навык, выработанный на манёврах, ещё предстояло испытать против крепостных стен, османского гарнизона и расстояний, которые нельзя было сократить царским желанием.

Почему целью стал Азов

Для России конца XVII века выход к морю был не отвлечённой мечтой о торговле. Северный порт Архангельск находился далеко от главных центров и был скован сезонностью. На юге важнейшим препятствием оставалась османская крепость Азов у устья Дона. Она контролировала проход по реке в Азовское море, а через него — дальнейший путь к Чёрному морю. Но взять Азов не означало автоматически получить свободное плавание по Чёрному морю: его берега и проливы контролировали османы, в том числе Керченский пролив.

Южное направление имело и военное значение. Крымские набеги и уязвимость степного пограничья были реальной проблемой для государства. Россия уже участвовала в борьбе против Османской империи в составе европейского союза, а прежние Крымские походы князя

Василия Голицына не принесли желанного результата. Азов предлагал более конкретную цель: не «победить юг» вообще, а овладеть крепостью, которая перекрывала важный речной путь.

Это была разумная цель — и трудная. Решение взять крепость требовало не только армии. Нужно было доставить к ней продовольствие, боеприпасы и тяжёлую артиллерию, перекрыть помощь с моря, наладить связь между отрядами и продумать осадные работы. Именно здесь амбиция впервые столкнулась с тем, что можно назвать военной арифметикой: если крепость получает подкрепления, а осаждающий не может замкнуть кольцо, численность войска сама по себе не гарантирует победы.

1695 год: армия у стен, море за спиной врага

Первый Азовский поход начался в 1695 году. Русские силы были разделены между крупными соединениями под командованием Фёдора Головина, Франца Лефорта и Патрика Гордона. Пётр участвовал в походе, но не был единственным полководцем, который распоряжался всей армией. Это важно: поздний образ царя, лично решающего всё на поле боя, заслоняет коллективный и довольно сложный характер военного управления.

Армия продвигалась к крепости, тащила с собой пушки, припасы и снаряжение. Когда осада развернулась, русские начали бомбардировку и готовили приступы. Но у Азова была возможность получать помощь по воде. Османские суда доставляли в крепость людей и снабжение, тогда как у русских не было флота, способного надёжно перекрыть речное устье и подступы с моря. С суши крепость можно было окружить лишь настолько, насколько позволяли местность, силы и организация. Водный путь оставался уязвимым местом всей операции.

Под стенами проявились и другие слабости. Осадная артиллерия могла повреждать укрепления, но пролом в стене ещё не означал, что его можно удержать. Штурм требовал точной координации пехоты, артиллерии и инженерных команд. Несогласованность частей, нехватка опыта в осадной войне, трудности с доставкой всего необходимого и ошибки разведки превращали отдельные успехи в потери, а потери — в усталость и падение темпа. Осада не была одной роковой ошибкой; это было накопление проблем, которые крепость и её защитники использовали в свою пользу.

Осенью, не добившись капитуляции, русские сняли осаду и отступили. Первый поход не принёс Азова. Он принёс более неприятный, но полезный результат: стало ясно, что нельзя просто подвести войско к стенам и ждать, пока численность и решительность сделают остальное. Без флота осаждающие не запирали крепость. Без надёжного снабжения время работало против них. Без чёткого взаимодействия между частями даже сильная армия не действовала как единый механизм.

В этом и состояло первое серьёзное испытание Петра. Поражение поставило вопрос не о том, достаточно ли сильно он хочет победить, а о том, способен ли он изменить способ действия. Отступление могло закончиться поиском виноватых. Вместо этого последовала подготовка новой попытки — поспешная, тяжёлая и дорогая, но уже учитывавшая уроки первой.

Между двумя осадами: построить то, чего не хватало

Зимой 1695–1696 годов на Дону и его притоках развернулось строительство судов. Главной базой стала Воронежская область, где можно было использовать речные пути, строевой лес и мастерские. По распоряжениям государства собирали корабельщиков, мастеров и работников, привлекали иностранных специалистов, распределяли обязанности между землевладельцами и другими группами. Строили речные суда для перевозок и операций на Дону, а также галеры и более крупные корабли.

Это был не чудесный переход от безфлотной страны к готовому военно-морскому флоту. Суда требовали дерева, железа, парусов, канатов, мастеров и времени. Некоторые строились в спешке; экипажи нужно было обучить, а новый флот — связать с армией, артиллерией и снабжением. Для государства такая мобилизация означала расходы, принудительную работу и дополнительное давление на людей, уже несших военные повинности и налоги. Победа начи-

налась не у стен Азова, а в лесу, на верфи и в дороге, по которой к войску должны были попасть хлеб, порох и пушки.

Во втором походе изменилось не всё, но изменилось главное. Сухопутной армией командовал Алексей Шеин; важную роль во флотском деле играл Лефорт. Пётр снова участвовал в кампании, но успех нельзя объяснить одним личным решением царя. Теперь действовали более крупные силы, были подготовлены суда, а речное направление стало не просто линией снабжения, но и частью осады.

1696 год: замкнуть кольцо

Весной 1696 года русские снова двинулись к Азову. Армия подошла к крепости, и осада началась заново. На этот раз флотилия позволяла перевозить войска и припасы по реке и ограничивать снабжение защитников. С берега русские вели артиллерийский огонь, подводили осадные работы, пытались приблизиться к стенам. С воды создавалась угроза путям, через которые крепость прежде получала помощь.

Решающее отличие заключалось не в каком-то одном новом оружии, а в более полном сочетании средств. Армия давила на крепость с суши; артиллерия разрушала и ослабляла укрепления; суда помогали контролировать реку и подходы; инженерные работы постепенно сокращали расстояние до стен. Флот не заменил пехоту и пушки, как и артиллерия не могла одна заставить гарнизон сдаться. Но теперь у защитников было меньше возможностей получать подкрепления и припасы, а у осаждающих — больше способов поддерживать давление.

Азов капитулировал в июле 1696 года. Это была первая большая победа Петра, и её значение трудно преуменьшить. Россия овладела важной крепостью и закрепилась на Азовском море. После успеха государство продолжило укреплять южное направление: строить суда, развивать портовую инфраструктуру, готовить базу в Таганроге. В октябре боярская дума постановила, что морским судам быть. Знаменитая формула хорошо передаёт поворот, но сама по себе она не создавала ни кораблей, ни обученных экипажей: за ней должны были последовать новые годы расходов и труда.

И всё же Азов не открыл России свободный путь в Чёрное море. Выход из Азовского моря зависел от Керченского пролива, который оставался под османским контролем. Победа не сняла всех угроз южной границе и не превратила речную флотилию в силу, способную без препятствий вести дальнюю морскую торговлю. Это был важный этап, не окончательное решение.

Что показывает сравнение

Две осады Азова полезны как практический урок о том, как проверять планы на прочность. Неудача первого похода показала, что недостаточно определить цель и собрать значительные силы. Нужно понять, чем противник может поддерживать оборону, где находятся собственные узкие места и как разные части операции будут работать вместе. Второй поход стал успешнее не потому, что исчезли трудности, а потому, что важнейшую слабость — отсутствие возможности действовать на воде — попытались устранить.

Попробуйте применить это сравнение к современному проекту, даже далёкому от военного дела. Запишите ответы на четыре вопроса:

1. Какова цель? Сформулируйте её конкретно, так чтобы можно было понять, достигнута она или нет.

2. Что может сорвать план? Найдите не общие «риски», а одно-два узких места, без которых работа остановится.

3. Какой ресурс позволит их закрыть? Это может быть специалист, техника, запас времени, договорённость или обучение.

4. Что изменится после первой неудачи? Если в плане нет ответа на этот вопрос, возможно, он держится на надежде, а не на расчёте.

Пётр рано усвоил именно такую логику: поражение не обязано отменять цель, но должно менять действия. Однако за этой способностью учиться стояла и обратная сторона его стиля. Государство отвечало на провал новой мобилизацией людей и материалов, причём цена ложилась не только на царя и командующих. Срочное строительство флота требовало принудительной работы и расходов; подготовка походов — новых поставок и повинностей. Энергия реформатора помогала преодолеть ограничения, но не делала преодоление бесплатным.

От потешных учений до Азова путь оказался не прямой дорогой от игры к победе, а серией проверок. Манёвры дали Петру опыт порядка и командования, первый поход обнаружил, чего этому опыту не доставало, второй показал ценность перестройки — и пределы достигнутого. Россия взяла Азов, но не получила полного контроля над южными морями. Главный результат этих лет был не только в крепости: Пётр увидел, насколько дорого обходится незнание и как много приходится перенимать, чтобы превратить замысел в работающую силу. Именно с таким вопросом он вскоре отправится в Европу.

Великое посольство: чему Пётр учился в Европе и что решил перенести в Россию

В марте 1697 года из Москвы выехало посольство, которому предстояло договариваться о войне и мире, нанимать мастеров, покупать оружие и разглядывать чужие крепости. Среди его участников был высокий молодой человек, называвшийся Петром Михайловым. Инкогнито царя было скорее дипломатической условностью, чем надёжной маскировкой: его сопровождали сотни людей, а европейские дворы быстро понимали, кто находится перед ними. Но имя позволяло Петру хотя бы отчасти выйти из церемониальной роли государя и заняться тем, что его занимало не меньше переговоров, — смотреть, как устроено дело.

Он ехал не как турист, которому любопытны чужие обычаи, а как правитель, которому срочно требовались корабли, специалисты и союзники. После Азовских походов Россия получила важный опыт и крепость, но не избавилась от главного ограничения: выход к морям оставался трудным, а военные возможности государства — недостаточными для длительного соперничества. Великое посольство должно было помочь решить эту задачу. Оно отправлялось в Европу с вопросом, на который не существовало короткого ответа: откуда взять силу, если собственных знаний и ресурсов не хватает?

Учиться, договариваясь

Посольство насчитывало около двухсот пятидесяти человек. Формально его возглавляли дипломаты Франц Лефорт, Фёдор Головин и Прокопий Возницын; Пётр ехал среди участников под именем Петра Михайлова. Такой состав сам по себе говорил о двойной задаче поездки. Нужно было вести переговоры на государственном уровне и одновременно изучать ремёсла, технологии и военное дело.

Первая цель была вполне конкретной: добиться поддержки европейских держав в борьбе против Османской империи и её союзников. После взятия Азова Россия стремилась закрепить успех, а для этого требовались флот и более прочное положение на юге. Посольство должно было также нанимать военных и технических специалистов, закупать необходимое снаряжение, собирать сведения о европейских армиях и флотах. Это была не учебная экскурсия, к которой по случаю присоединился царь. Обучение и дипломатия шли рядом, потому что решение государственных задач требовало и знаний, и политической поддержки.

Маршрут пролегал через Ригу, Кёнигсберг и Берлин, затем — через Нидерланды, Англию и Вену. Пётр собирался посетить и Венецию, но до неё не добрался. По пути ему встречались не абстрактные «европейские достижения», а разные государства со своими интересами и ограничениями.

Рига дала ему ранний урок: знания не всегда удаётся получить простым любопытством. Город находился под шведской властью, и Петру не позволили осмотреть укрепления. Для него фортификация была предметом изучения; для хозяев крепости — вопросом безопасности. Этот отказ показывает важную сторону поездки: Европа не лежала перед русским царём раскрытой книгой. Доступ к информации зависел от дипломатических отношений, подозрений и расчёта. Даже наблюдение могло выглядеть как разведка.

Другой урок был менее политическим и более осязаемым. В Нидерландах Пётр провёл время в Заандаме и Амстердаме, где знакомился с кораблестроением. В верфи его интересовали не только очертания готового судна. Он вглядывался в работу мастеров, в последовательность операций, в то, как организован труд и как знание передаётся от опытного специалиста ученику. Позже он работал на верфи Ост-Индской компании. В этом опыте важны не легенды о царе-плотнике, а само решение учиться ремеслу практически: смотреть, задавать вопросы, пробовать делать.

В Англии Пётр продолжил знакомиться с флотом и его инфраструктурой, посещал верфи и арсеналы. Здесь он видел не только корабли, но и систему, которая позволяла их строить и содержать. Большой флот — это не одна удачно сколоченная эскадра. Ему нужны гавани, запасы древесины и металла, доки, оружейные мастерские, опытные офицеры, обученные матросы, снабжение и деньги. Корабль заметен; учреждения, которые поддерживают его жизнь, легко упустить из виду.

И здесь начиналось различие между европейским опытом и готовым европейским рецептом. Нидерландская республика была мощной торговой державой, Англия опиралась на сильный флот и собственные политические механизмы, Пруссия развивала дисциплинированное войско, Габсбургская монархия строила свою политику вокруг династических интересов и сухопутной войны. Это не были части единой машины, которую можно разобрать и собрать в Москве. Европа была множеством государств, конкурирующих друг с другом, ведущих войны и заключающих временные союзы. Сильные стороны каждого строились на особых условиях: географии, финансах, торговле, устройстве власти.

Пётр мог изучать английский флот, но не мог одним указом превратить Россию в островную державу. Он мог восхищаться голландскими верфями, но для них требовались подготовленные рабочие, материалы, рынки и привычка к масштабной морской торговле. За внешней формой учреждения всегда скрывалась опора, которая делала его работоспособным.

Маршрут заимствования: от наблюдения к цене

Полезно проследить, как именно иностранное знание могло превращаться в российскую практику. Не «увидел — скопировал», а прошёл несколько ступеней: понял назначение, нашёл исполнителей, приспособил к местным условиям и заплатил за внедрение.

Этап

Европейское наблюдение

Российская адаптация

Цена и ограничение

Кораблестроение

Работа верфей, разделение труда, практические навыки мастеров

Развитие флота и верфей в России; привлечение корабельных специалистов. Строительство кораблей для Азовских походов началось ещё до Великого посольства

Нужны древесина, металл, рабочие руки, опыт и постоянное снабжение. Заимствовать устройство верфи легче, чем создать морскую экономику вокруг неё

Технические и военные знания

Навигация, артиллерия, фортификация, инженерное дело

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.